

Интервью

Лоран Тевено – одним из ведущих французских исследователей, разрабатывающих экономическую теорию конвенций. Напомним, что в нашем журнале уже появлялось интервью с Тевено, взятое мною во время его приезда в Высшую школу экономики (2003. Т. 4. № 5. С. 6–13). На этот раз интервью записано Сореном Ягдом – нашим датским коллегой, который в течение ряда лет занимается изучением данного направления. Его обзорную статью по экономической теории конвенций также можно посмотреть в нашем журнале (2004. Т. 5. № 4. С. 22–36).

ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА КОНВЕНЦИЙ И КООРДИНАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ¹

Интервью с Лораном Тевено²

Перевод М.С. Добряковой

Научное редактирование – В.В. Радаев

– У Вас экономическое образование, но, похоже, Вы давно испытываете интерес к социологической трактовке экономического действия. Что пробудило в Вас этот интерес к социологии?

– Ряд авторов, работающих в традиции экономической теории конвенций, имеют такое же образование – т.е. политехническое, основанное на изучении математики и физики. Это самый высокий уровень образования, который можно получить в данной области в высшей нормальной школе [Ecole Normale Supérieure]. Это означает, что у всех нас первое образование связано с экономической теорией. Во Франции невозможно получить образование одновременно по гуманитарным дисциплинам и математике, на определенном этапе обучения приходится делать выбор. Я просто хочу пояснить, что многие исследователи, закончившие вместе со мной Высшую политехническую школу [l'Ecole Polytechnique], на самом деле интересуются совсем другими отраслями знания. В частности это касается Робера Бойе [Robert Boyer] из школы регуляции [regulation school], а также Робера Сале [Robert Salais], Андрэ Орлеана [André Orléan], Жана-Пьера Дюпюи [Jean-Pierre Dupuy] и меня. Все мы окончили Высшую политехническую школу, но никто из нас не интересуется математикой.

После политехнической школы лучшие студенты идут в магистратуру. Я выбрал Национальный институт статистики и экономического анализа [INSAE], из которого можно перейти в Национальный институт статистики и экономических исследований [INSEE]. Здесь надо уточнить, что французский INSEE – это не просто экономическое агентство. В нем одновременно работают те, кто производит статистическую информацию, и те, кто ее анализирует. Во время моей учебы неоклассическая традиция была не особенно сильна, и исследовательские интересы отличались разнообразием, хотя лишь немногие испытывали

---

¹ *Источник:* The French Convention School and the Coordination of Economic Action / Laurent Thévenot Interviewed by Søren Jagd // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2004. Vol. 5. No. 3. June. P. 10–16. <http://econsoc.mpifg.de/>

² Интервью проведено Сореном Ягдом [Søren Jagd] (факультет социальных наук университета Роскильде, Дания) в Высшей школе исследований по социальным наукам [EHNESS], Париж.

интерес к социологии. Тогда в INSEE работал также Ален Дерозьер [Alain Desrosières], получивший то же образование, что и я, а также французский социолог Даниэль Берто [Daniel Berthouex]. Оба они, особенно Дерозьер, были связаны с социологией, и прежде всего с социологией П. Бурдьё. Тогда это было самое развитое направление социологии, к тому же оно подходило для решения проблемы, которой мы в то время занимались, – проблемы классификации.

Какое-то время, хотя и не слишком долго, я учился у Бурдьё. Даже написал работу совершенно в его духе. Бурдьё, как правило, заставлял переписывать тексты. А тут сказал: «Здесь и предложения не изменить», – лучший комплимент в его устах. Так что я овладел этим языком и этой теорией. А затем познакомился с Люком Болтански [Luc Boltanski], который в то время как раз уходил от Бурдьё, проработав с ним какое-то время и став одним из его основных коллег. И мы принялись работать вместе. Так началась очень длинная история создания нового направления социологии, полностью противоположного социологии Бурдьё.

Среди трудностей, с которыми мы столкнулись при переводе французских терминов на английский язык, стал перевод понятия «dispositifs». Его очень трудно перевести (хотя оно использовалось ранее М. Фуко), а для нас это ключевая категория. По-французски это очень емкое слово, поскольку содержит элемент «disposé» («предрасположенность») и, значит, имеет один корень с термином «disposition». Диспозиция же – ключевая категория в социологии Бурдьё, поскольку «диспозиция» и есть «габитус». Таким образом, французское «vous êtes disposé à faire quelque chose» означает «вы предрасположены сделать что-либо».

Бурдьё исходил из посылки о том, что диспозиция инкорпорирована в индивиде, привязана к нему на протяжении всей жизни. Это означает, что она неизменна во всех ситуациях и не слишком динамична. Несомненно, это очень хорошая исходная посылка для теории воспроизводства, однако она рисует человека в очень бледном свете, поскольку, согласно ей, люди просто реализуют одну и ту же схему во всех жизненных ситуациях. Мы же предлагаем противоположную посылку: в рамках одного порядка/расположения [dispositif] (т.е. структуры ситуации) существует множество диспозиций/предрасположенностей [dispositions].

Еще одно отличие нашего подхода от теории Бурдьё касается сферы политики и морали. Для Бурдьё центральной в этом отношении была марксистская схема борьбы социальных групп. Мы тоже считаем политику и мораль важными вопросами для людей, но формирование ценностных характеристик, на наш взгляд, осуществляется разными способами. Мы стремились показать, что политика – это не просто площадка для применения силы и противостояния социальных групп, как это видится Бурдьё и многим другим социальным теоретикам. По сути, мы пытались выстроить заново связь между политической и моральной философией. Для социологов политические вопросы предполагают применение силы и борьбу, а моральные вопросы – идеологию, убеждения, ценности, которые по большому счету не входят в их аналитическую схему. Даже в работах М. Вебера, самого передового социолога в этом отношении, плоскость ценностей относительно независима от плоскости рационального выбора средств. Моя самая первая работа была посвящена моделям прогнозирования динамики рабочей силы в привязке к французской государственной системе планирования образования. При разработке модели я анализировал связь между образованием и профессиональной принадлежностью. Так что, в сущности, работа была посвящена проблеме квалификации. И ее изучение стало распространенной темой в нашем подразделении INSEE.

В связи с изучением проблемы квалификации я занимался и своей основной темой – классификацией профессий. И здесь возникла идея множественности, которая базируется на представлении о том, что существуют самые разные, фундаментально различные пути «сближения» (по-французски мы называем это *rapproché* – в английском нет такого слова).

Есть разные способы соединения элементов, но концепция «*rapproché*» более интересна, поскольку она не предполагает, что в итоге эти элементы сольются воедино. Речь идет скорее о *процессе* – когда они становятся все ближе друг к другу. Это означает, что проблема классификации не так проста, как кажется, ведь следовало найти компромисс между различными режимами сближения.

В 1984 г. на английском языке была опубликована моя работа «Инвестирование в формы»³. Я работал тогда с Франсуа Эмаром-Дюверне [François Eymard-Duverney], и мы разработали концепцию квалификации людей и предметов, преимущественно в связи фирмами. Одновременно с Л. Болтански мы занимались квалификацией людей и, на более общем уровне, вопросом о том, как они классифицированы в социальном пространстве. Я обучался тогда у А. Дерозьера, мы очень тесно сотрудничали. В том же институте с нами работал тогда А. Орлеан, хотя он занимался изучением денег. В целом, в институте сложился действительно творческий коллектив, настоящее сотрудничество между коллегами.

– Когда я впервые прочитал Вашу работу об инвестициях в формы, мне показалось, что она написана в русле социального конструктивизма. Но, перечитав статью, я его в ней не обнаружил. Быть может, я сам сконструировал там социальный конструктивизм?

– Думаю, все мы тогда так или иначе были социальными конструктивистами. Сейчас эта идея не кажется мне убедительной – ведь мы предполагаем, что существует некий процесс квалификации. А что такое социальный процесс? В социальном конструктивизме ответ на этот вопрос просто опускается. Многие говорят, что это «социальное изобретение» и чувствуют себя вполне удовлетворенными. А для нас это не только социальный процесс. Это одновременно технический и организационный процесс, который не сводится только к проблемам социальных верований и репрезентаций. В сущности, это процесс, который следует анализировать так же, как мы анализируем производственные процессы, при этом он гораздо более фундаментален. Это означает, что с самого начала понятие инвестирования в форму являлось проектом, посвященным координации, которая в явном виде не рассматривается в рамках социального конструктивизма. В последнем координация очень проста: есть социальная группа, и есть люди, которые приходят к соглашению между собой относительно репрезентаций. Так достигается координация. Для нас же она была тогда и остается поныне вопросом, требующим прояснения. Она даже кажется мне более важной, чем понятие конвенций. Способы координации – очень важный вопрос. Словом, оглядываясь сейчас назад, можно сказать, что в работе были элементы социального конструктивизма, но очень скоро мы отошли от него и начали развивать новую программу, посвященную анализу проблематичности и неопределенности координации [uncertain coordination] между людьми.

– Как мне кажется, в рамках экономики конвенций сложились три различных подхода к описанию множественности экономического действия: Ваша работа с Л. Болтански о теории величин [grandeur], концепция Ф. Эмара-Дюверне о конвенциях качества и разработки Р. Сале о конвенциях труда. Не могли бы Вы объяснить, как они соотносятся друг с другом?

– Да, между названными тремя подходами есть связь. А вот подходы О. Фавро [Olivier Favreau] и А. Орлеана – иные. В частности, А. Орлеан находится под влиянием Рене Жирара [René Girard] и его идеи имитации. Причем, мне кажется, он придерживается базовых представлений о социальном в духе Дюркгейма: как своего рода соглашения в рамках коллектива. Что же касается О. Фавро, то у его построений тоже явно и явно иной

---

³ Thévenot L. Rules and implements: investment in forms // Social Science Information. 1984. Vol. 23. No. 1. P. 1–45.

фундамент. Возможно, перечисленные Вами три подхода все в той или иной степени связаны с понятием множественности обоснования ценности. Мне больше нравится термин «ценность» [worth], нежели «величина». «Ценность» – тоже не самый удачный термин, но все же он предполагает наделение ценностью [giving worth], что и является для нас ключевым вопросом.

– А какие Вы бы выделили общие исходные посылки, используемые авторами, которые работают в традиции экономической теории конвенций?

– Мне кажется, общим является исходный тезис о том, что координация оказывается проблематичной вследствие неопределенности. Я бы сказал, что люди каким-то образом просто организуют неопределенность. Организуют, чтобы с ней можно было работать. По моему, в этом и заключается различие между риском и неопределенностью, о котором говорил Фрэнк Найт [Frank Knight]⁴. Риск – это результат преобразования неопределенности и приведения ее к измеряемому состоянию. Но для меня здесь скрывается более общий вопрос. Меня интересует то, как люди преобразуют неопределенность в нечто, что можно будет подвергнуть тестированию. Конечно, не всегда это срабатывает гладко, ведь сразу возникает новая неопределенность. Это означает, что, как только мы справились с одной неопределенностью, ситуация повторяется. Кроме того, существует множество путей оформления неопределенности. Думаю, понятие конвенции как раз является достаточно общим и гибким для того, чтобы точно поставить вопрос: как люди организуют неопределенность таким образом, что в их распоряжении оказывается некоторая схема, в рамках которой они пытаются осуществлять координацию? И опять-таки неопределенность – это еще не конец истории. Она не исчезает вовсе, просто люди пытаются укротить ее, заменяя ее схемами.

Это выводит нас на идею разделяемого знания [shared knowledge], которая, в сущности, является частью неоклассической традиции, хоть та ее и игнорирует. Мы разрабатывали эту идею в самых разных направлениях, пытаюсь взглянуть на распределенное знание как на проблему. Это означает, что построение чего-либо, что будет восприниматься как общепринятое, уже является проблемой и, следовательно, входит в область нашего анализа. А это выводит нас на необходимость пересмотра понятия информации и замену концепции информации как единой субстанции концепцией о множестве форматов информации, от самых неформальных сообщений до конвенционализированных форматов. Так что мы имеем дело с неопределенностью, которая укладывается в привычные схемы, чтобы с ней можно было управляться, и это один из способов интерпретации множественных миров и важности познания.

Думаю, мы добавили к этой проблеме политическое и моральное измерение. Ранее не все это разделяли, но сейчас, мне кажется, все так или иначе учитывают его. Это заметно в последней работе Ф. Эмара-Дюверне⁵, в работах О. Фавро, который пытается показать, что экономисты совсем забыли о ценностях. Так что уже можно сказать, что это стало общей предпосылкой.

Для меня здесь главной проблемой является вопрос о происхождении конвенции и о том, что вкладывается в понятие конвенции. Поясню на примере. Скажем, для Р. Сале конвенция – это общее ожидание, что, в сущности, довольно близко понятию общей репрезентации. Для меня же такая трактовка слишком узка и слишком близка к классическим взглядам о коллективе в духе Дюркгейма.

---

⁴ Речь идет о работе: *Knight F. Risk, Uncertainty and Profit*. Boston; N.Y., 1921. – *Прим. перев.*

⁵ *Eymard-Duvernay F. Pour un programme d'économie institutionaliste // Revue Economique*. 2002. Vol. 53. No. 2. P. 325–336.

Я пытаюсь таким образом ответить на Ваш вопрос о том, что общего в рамках традиции экономической теории конвенций и каковы внутренние размежевания. Странно, ведь меня считают самым социологически ориентированным среди сторонников теории конвенций, а я всегда критикую других за то, что они чересчур увлекаются классической социологией в своем понимании общих репрезентаций и ожиданий.

– Как утверждает Мишель Каллон, модель экономического человека может быть полезна для людей, занятых хозяйственной деятельностью, и особенно интересен вопрос о том, действительно ли она используется хозяйственными акторами. Вы согласны с этим утверждением?

– Отвечая Каллону, я скажу: а зачем они используют ее? Я бы сформулировал вопрос иначе: какими свойствами должно обладать это множество моделей? Не думаю, что он сможет ответить на этот вопрос. Он просто скажет, что они используют данную модель. Мне кажется, проблема ответа на этот вопрос заключается в том, что здесь не хватает рефлексии по поводу такой архитектуры режимов и их связи с деятельностью людей. Кстати, в этом для меня главная проблема и с таким всеобъемлющим понятием, как сети [network]. В нем не уточняются понятия социальной связи и социального действия. А хорошее уточнение потребуется в отношении и понятия блага, и понятия реальности, поскольку оно используется в качестве инструмента проверки. Сетевое же моделирование, я бы сказал, как правило, в этом отношении плоско, оно не позволяет четко представить, что требуется для того, чтобы перейти от понятий к проверке реальностью и вернуться обратно.

– По мнению Франсуа Досса⁶ экономическая теория конвенций основана на трех «поворотах» в социальных науках: когнитивном, интерпретативном и прагматическом. Вы согласны с такой трактовкой?

– Думаю, об этом довольно четко говорится в книге Досса, придерживающегося других традиций, авторы которых представляют как раз перечисленные Вами «повороты». Например, когнитивная традиция очень далека и от экономической теории, и от социологии. Во многих случаях когнитивная наука враждебно воспринимается социологами и просто игнорируется экономистами. Благодаря появлению Центра прикладных эпистемологических исследований [Centre de recherche en épistémologie appliquée – CREA] и усилиям его директора Жана-Пьера Дюпюи когнитивная наука была импортирована во Францию⁷. Я тоже участвовал в работе этого Центра вместе с А. Орлеаном. Нас интересовала когнитивная проблематика. Здесь следует добавить, что одно направление совершенно не разрабатывается в рамках Центра, а именно социальная когнитивистика.

Интерпретативный «поворот» исторически произошел раньше и хорошо известен. Он играл ключевую роль в анализе моделей как способов распознавания. Я использую именно термин «распознавание» [grasp], не «интерпретация» [interprete], поскольку в последнем случае возможны искажения смысла. Думаю, повышенный интерес к идее координации явился реакцией на понятие интерпретации, более ориентированное на плоскость «смысла». Конечно, «интерпретация» берет начало в тексте, в герменевтике. Как Вы знаете, Поль Рикёр показал тесную связь с теорией действия, в результате инструмент интерпретации можно использовать гораздо шире.

Наконец, мы подходим к третьему «повороту» – прагматическому. Нас интересовали вопросы познания [cognition] в связи с проблемами интерпретации, а также такая интерпретация, при которой процесс познания – не отражение сугубо умственного

---

⁶ *Dosse F. Empire of Meaning: the Humanization of the Social Sciences. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.*

⁷ Центр учрежден в 1982 г. Подробнее см.: <http://www.crea.polytechnique.fr>. – Прим. перев.

упражнения, но познание в отношении к другим, и именно в этом и заключается, на мой взгляд, суть термина «интерпретация». Таким образом, нас интересовали процессы познания и интерпретации с позиций прагматического подхода, с точки зрения действия, что предполагает не только понимание действий других, но и совместное выполнение действий. Действие представляет интерес именно потому, что его можно проверить реальностью. С точки зрения интерпретации, проверка реальностью может способствовать формированию сообщества понимающих. Впрочем, мы хотели не этого. Мы хотели чего-то гораздо более реалистичного (говоря «мы», я имею в виду, что Люк Болтански, видимо, тоже сказал бы нечто подобное). Это была наша реакция против социального конструктивизма, которым, как я упоминал, мы и сами прежде увлекались. Но очень скоро я от него отошел, в плоскости социальной репрезентации мы переместились к координации, т.е. подтверждению социальности через действие. Для нас это было очень важно, поскольку нас часто считали социальными конструктивистами, что неверно.

Думаю, я объяснил, почему существуют три традиции: когнитивная; интерпретативная (не сводимая к когнитивным процессам, так как ориентирована на других); и прагматическая (не сводимая к интерпретации, так как ориентирована на действие и некоторый ответ со стороны реальности в качестве основания действия). Но я уверен, что Люк Болтански и еще ряд авторов, работающих в традиции экономики конвенций, будут отрицать свою связь с когнитивным направлением.

– Каковы, на Ваш взгляд, основные различия между экономической теорией конвенций и экономической теорией транзакционных издержек?

– Об экономической теории транзакционных издержек много говорится в моих работах. Здесь возможны два подхода: можно быть очень благожелательным, а можно – критичным и жестким. Если быть благожелательным, то можно сказать, что О. Уильямсон первым попытался ввести некое понятие множественности способов координации. Именно он первым задумался о множественности в данной сфере. В этом смысле мы движемся в одном русле. Я не имею в виду, что мы занимаемся этим благодаря Уильямсону. Просто истоки множественности – именно в этой идее о том, что существуют разные когнитивные формы.

Если же подходить с критических позиций, и я говорил об этом неоднократно, то Уильямсон упускает из виду ключевую вещь, поскольку в конечном счете приходит к выводу, что различные способы координации выбираются на основе некоего малосущественного развития неоклассической модели рациональной организации, – но ведь модель-то не работает. При таких построениях вы помещаете на самый высокий, или базовый, уровень неоклассические послышки экономической рыночной координации – в то время как именно этого мы и стремимся избежать, обращаясь к идее множественности.

– А каковы наиболее важные различия между экономической теорией конвенций и эволюционной институциональной теорией?

– Мне кажется, эволюционная и институциональная традиции сфокусированы на проблеме, которая занимает центральное место и во многих других теориях и которая в двух словах формулируется: благо – скрыто. Я не могу ее принять и прикладываю множество усилий, чтобы доказать обратное. Приверженцы этих традиций утверждают, что благо скрыто в чем-то, что называется успехом. Успех же без определения блага – сугубо оценочная категория. Эту же проблему мы встречаем и в других эволюционных теориях, не только в экономическом эволюционизме. Другая проблема связана с понятием рутины, которое опять-таки следует поместить в контекст более разнообразных способов действия. Зачем сводить все к рутинным практикам? Конечно, было бы неправильно забыть об этом уровне. Именно поэтому я пытался тщательно их изучить в рамках домашнего порядка обоснования ценности. Это хороший повод обратиться к анализу поведения, но, мне кажется, сведение его к рутинным практикам сомнительно, поскольку в этом случае упускается из виду главная проблема организации – комбинирования множества режимов. Нельзя построить

организацию только на основе рутинных практик, но также нельзя объяснить функционирование организации в целом без учета данного уровня. На мой взгляд, подход к анализу рутинного уровня неадекватен, равно как и подход к проверке реальностью (которая так важна для нас) с точки зрения успеха. Это если говорить вкратце, хотя вопрос заслуживает более пространного обсуждения.

– Каковы ключевые различия между экономической теорией конвенций и экономической социологией?

– Давайте в качестве примера возьмем ключевую работу Марка Грановеттера⁸. Здесь мы опять будем благожелательны, ведь она сыграла такую важную роль в формировании восприятия хозяйственных процессов как более общих социальных процессов. Несомненно, я целиком принимаю не слишком жесткое понятие укорененности [embeddedness]. В этом смысле мы все следуем в одном русле. Я также целиком согласен с критикой пересоциализованной концепции актора в социологии. Я тоже много писал об этом, особенно применительно к традиции Дюркгейма и социального конструктивизма, которые основаны на пересоциализованной картине мира.

Что же касается его критики недосоциализованной концепции, то здесь я согласен в меньшей степени. Мне кажется, одно из наших достижений, за которое нас критиковали почти все, заключается в подходе к рыночной конкуренции как реальному, осуществимому способу координации (при определенных условиях, конечно), который производит квалификацию блага, обобщение некой формы ценности и т.д. Я бы не сказал, что экономический актор (понимаемый как некто, действующий на рынке) так уж недосоциализован. Он придерживается тех же общих представлений об интересующем его благе, что и все остальные. Конечно, он вынужден принимать доминирующую форму оценивания, которая опять-таки является общераспространенной. Он вовсе не столь атомистичен. Если следовать этому тезису в точности, получается, что экономический актор вовсе не одинок. В этом смысле, как мне кажется, многие экономсоциологи не улавливают всей специфики рыночной координации. Конечно, рыночная экономика – это еще не все хозяйство. И они уделяют внимание многим другим сферам координации, являющимся частями хозяйственного процесса. С этой точки зрения данные подходы очень релевантны, полезны для нас, мы занимаемся одним делом.

И еще один момент. Как я уже упоминал, я не в большом восторге от сетевой теории, поскольку она упускает из виду квалификации связей, в то время как мы как раз обращаем на нее особое внимание. Но после того, как мы проанализировали одну совокупность связей, почему бы не пойти дальше и не задуматься о сетях различных совокупностей связей [engagements]? Сетевой анализ не использует возможности унификации, идею о том, что тем или иным образом связи сопоставимы и потому способны передавать что-либо. На мой взгляд, проблема сетевой теории заключается именно в этом. Несомненно, данная теория чрезвычайно эффективна в области моделирования, но я говорю о проблеме с точки зрения анализа самих связей. Мне кажется, это касается и работы моих друзей Мишеля Каллона [Michel Callon] и Бруно Латура [Bruno Latour]. Они демонстрируют не самый удачный подход к изучению гетерогенности.

---

⁸ Речь идет о статье: *Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481–510.* Перевод: *Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158. – Прим. перев.*

Основные работы Л. Тевено

- Тевено Л.* Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 19–46. Или в книге: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 281–300.
- Тевено Л.* Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 88–122 (<http://ecsoc.msses.ru>).
- Тевено Л.* Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 84–109.
- Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.
- Тевено Л.* Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 6–13.
- Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
- Thévenot L.* Stratégies, intérêts et justifications: A propos d'une comparaison France – Etats-Unis de conflits d'aménagement // Techniques, territoires et sociétés. 1996. No. 31. P. 127–149.
- Thévenot L.* L'action en plan // Sociologie du Travail. 1995. Vol. 27. No. 3. P. 411–434.
- Thévenot L.* Un pluralism sans relativisme? Théories et pratiques du sens de la justice // Justice sociale et inégalités / Ed. by J. Affichard, J.-B. Foucauld. Paris: Éd. Esprit, 1992. P. 221–253.
- Thévenot L.* L'action qui convient // Les formes de l'action / Ed. by P. Pharo, L. Quéré. Paris: Éd. de l'EHESS, 1990.
- Thévenot L.* La politique des statistiques: Les origins sociaux des enquêtes de mobilité sociale // Annales Économie Société Culture. 1990. No. 6. P. 1275–1300.
- Thévenot L.* Rules and Implements: Investment in Forms // Social Science Information. 1984. Vol. 23. No. 1. P. 1–45.
- Lamont M., Thévenot L.* (eds.). Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States. Cambridge, UK, N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Conein B., Thévenot L.* (eds.). Cognition et information en société. Paris: Editions de l'Ecole des hautes études en sciences sociales, 1997.
- Conein B., Dodier N., Thévenot L.* Les Objets dans l'action: de la maison au laboratoire. Paris: Editions de l'Ecole des hautes études de sciences sociales, 1993.
- Boltanski L., Thévenot L.* (eds.) Les Economies de la grandeur. Paris: Presses universitaires de France, 1987.
- Salais R., Thévenot L.* (eds.) Le Travail: marchés, règles, conventions. Paris: INSEE: Economica, 1986.